

DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-2-251-266

EDN: MZSGVL

Научная статья / Research article

Конструирование цифрового суверенитета в медиа России и Китая: анализ больших данных

Е.В. Попова , О.В. Устюжанцева , Х. ГаоНациональный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Российская Федерация
 iam.e.popova@yandex.ru

Аннотация. Исследование посвящено изучению формирования концепции цифрового суверенитета в условиях нелиберальных режимов на примере изучения медиа России и Китая. В условиях обостряющейся глобальной конкуренции и технологических преобразований, связанных с Четвертой промышленной революцией, сравнение процессов конструирования цифрового суверенитета разными акторами в нелиберальных государствах становится важным для понимания различий между двумя странами. Методология исследования основана на анализе больших данных медиапубликаций с применением автоматизированных методов анализа неструктурированных текстов (*PolyAnalyst*). В выборку вошло более 2800 материалов российских и китайских СМИ за 2011–2021 гг. Анализ проводился по ряду измерений: экономическое и политическое содержание, национальный и международный уровни, а также технологии, включаемые в концепт цифрового суверенитета. Исследование опирается на конструктивистский подход, позволяющий рассматривать цифровой суверенитет как феномен, дискурсивно конструируемый различными акторами. Особое внимание уделено картированию акторских сетей и выявлению доминирующих тематических кластеров. Научная новизна исследования заключается в сравнительном подходе к изучению цифрового суверенитета в нелиберальных режимах. Показано, что цифровой суверенитет не является единым понятием: его понимание в России и Китае существенно различается. В России доминируют нарративы национальной безопасности, государственного контроля и протекционизма, тогда как в Китае акцент сделан на технологическом развитии, экономическом лидерстве и глобальной конкурентоспособности. Кроме того, выявлены различные роли экономических акторов и технологических представлений в оформлении концепций цифрового суверенитета. Результаты исследования показывают, что Россия и Китай используют разные стратегии и нарративы для легитимации цифрового суверенитета. Работа вносит вклад в понимание роли медиа в формировании концептов суверенитета и открывает перспективы для дальнейших исследований в области цифрового управления и международных отношений.

Ключевые слова: нелиберальные страны, медиаанализ, технологическое развитие, национальная безопасность, глобальная конкуренция, технологический суверенитет, сравнительные исследования, *PolyAnalyst*, кластерный анализ

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Примечание. Мнения, высказанные в статье, принадлежат авторам и могут не совпадать с позицией редколлегии журнала.

Вклад авторов. Попова Е.В.: концепция и дизайн исследования, анализ полученных данных. Устюжанцева О.В.: обработка материалов, написание текста статьи. Гао Хаоюэ: сбор и обработка данных по кейсу Китая. Все авторы ознакомлены с окончательной версией статьи и одобрили ее.

Благодарности. Исследование выполнено при поддержке Томского государственного университета в рамках Программы развития.

Для цитирования: Попова Е. В., Устюжанцева О. В., Гао Х. Конструирование цифрового суверенитета в медиа России и Китая: анализ больших данных // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25, № 2. С. 251–266. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-2-251-266>

Constructing Digital Sovereignty in Russian and Chinese Media: Big Data Analysis

Evgeniya V. Popova , Olga V. Ustyuzhantseva , Haoyue Gao

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

 iam.e.popova@yandex.ru

Abstract. This study explores the formation of the concept of digital sovereignty in non-liberal democratic countries through a comparative analysis of media discourses in Russia and China. Against the backdrop of intensifying global competition and technological transformations associated with the Fourth Industrial Revolution, comparing how different actors in non-democratic states construct digital sovereignty becomes crucial for understanding the divergences between the two countries. The research methodology is based on big data analysis of media publications, employing automated text analysis methods (*PolyAnalyst*). The sample includes over 2,800 materials from Russian and Chinese media outlets covering the period from 2011 to 2021. The analysis was conducted across several dimensions: economic and political content, national and international levels, and the technologies incorporated into the concept of digital sovereignty. The study adopts a constructivist approach, viewing digital sovereignty as a phenomenon discursively constructed by various actors. Particular attention was given to mapping actor networks and identifying dominant thematic clusters. The scientific novelty of the research lies in its comparative approach to studying digital sovereignty in non-liberal democracy countries. The study demonstrates that digital sovereignty is not a monolithic concept: its understanding in Russia and China differs significantly. In Russia, narratives of national security, state control, and protectionism prevail, whereas in China, the emphasis is placed on technological development, economic leadership, and global competitiveness. Furthermore, the study reveals the different roles played by economic actors and technological imaginaries in shaping the concepts of digital sovereignty. The findings show that Russia and China employ distinct strategies and narratives to legitimize digital sovereignty. This work contributes to the understanding of the role of media in shaping sovereignty concepts and opens up new avenues for further research in the fields of digital governance and international relations.

Key words: non-liberal democratic countries, technological development, national security, global competition, technological sovereignty, media analysis, comparative study, *PolyAnalyst*, cluster analysis

Acknowledgements. The study was supported by the Tomsk State University under Development Program.

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Disclaimer. The opinions expressed in this article are those of the authors. They do not purport to reflect the opinions or views of the editorial team.

Authors' contributions. E.V. Popova: conceptualization and design of the study, analysis of the obtained data. O.V. Ustyuzhantseva: material processing and writing of the manuscript. Haoyue Gao: data collection and processing for the China case study. All authors have read and approved the final version of the manuscript.

For citation: Popova, E. V., Ustyuzhantseva, O. V., & Gao, H. (2025). Constructing digital sovereignty in Russian and Chinese media: Big data analysis. *Vestnik RUDN. International Relations*, 25(2), 251–266. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-2-251-266>

Введение

Принцип суверенного равенства, закрепленный в Уставе ООН, представляет собой фундаментальную норму современных международных отношений. Его принципы и дух

распространяются также на науку и технологическое развитие. Последнее занимает особое место в дискурсе цифрового (а шире — технологического) суверенитета, модели которого стремятся выстраивать ведущие

участники технологической гонки. В основе этих усилий лежат дискурсивные практики по адаптации внутреннего образа государства в условиях появления новых и перспективных технологий. Разные государства по-разному понимают эти технологии и их возможное воздействие на государство, экономику, а также на жизнь отдельных людей и социальных групп. Это различие оказывается принципиальным для формирования политики в области науки, технологий и инноваций, ориентированной на достижение стратегических целей.

В академической литературе, посвященной цифровому суверенитету (далее — ЦС), до сих пор отсутствует единое и общепризнанное определение этого понятия. Сам термин «цифровой суверенитет» нередко употребляется как синоним киберсуверенитета, технологического суверенитета, суверенитета данных или интернет-суверенитета. Такая терминологическая неразбериха связана с повсеместным и зачастую некритическим использованием этих понятий как взаимозаменяемых в медиа и политическом дискурсе. Как отмечают С. Кутюр и С. Тоупин (Кутюр, Тоупин, 2020), концептуализация цифрового суверенитета происходит преимущественно вне академического сообщества, без участия политологов и специалистов по цифровым технологиям.

Самое раннее академическое определение цифрового суверенитета можно найти в работах Т. Ву (Wu, 1997), где под ЦС понимается способность государства регулировать содержание и деятельность в киберпространстве (Wu, 1997, pp. 649–650). Существующие публикации условно делятся на несколько основных групп. Первая — осмысление концептуальных границ и содержания ЦС (см., например: (Ефремов, 2017; Ребро и др., 2021; Кутюр, Тоупин, 2020; Pohle & Thiel, 2020; Musiani, 2022)), исследователи подчеркивают важность анализа двух компонентов цифрового суверенитета — его ценностного наполнения и технологической составляющей (Дегтерев, 2022). Вторая группа — эмпирические исследования практик реализации ЦС в различных странах и регионах (см.,

например: (Дементьев, 2022; Леонтьева и др., 2021; Зиновьева, Булва, 2021; Glaze et al., 2024; Floridi, 2020; Zeng, Stevens & Chen, 2017)). Эти исследования представляют собой попытки разработать «модели» цифрового суверенитета.

Модели ЦС опираются на два основных подхода к управлению. «Снизу вверх» (*bottom-up*) — это подход, основанный на мультистейкхолдерной модели, в рамках которой роль государства в обеспечении ЦС сведена к минимуму, а управление осуществляется различными заинтересованными сторонами в соответствии с их экономическими и технологическими интересами (Strickling & Hill, 2017; ten Oever, 2021). «Китайская» модель воплощает собой подход «сверху вниз» (*top-down*), который рассматривается как типичный для авторитарных¹ режимов (Jiang, 2010; Budnitsky & Jia, 2018; Stadnik, 2019). Цифровой суверенитет представляется здесь в форме дихотомии: национальная безопасность против свободной торговли, контроль государства против прав граждан, пропаганда против свободного потока информации.

Такой подход подчеркивает дискурсивную природу цифрового суверенитета, но чреват упрощением, особенно в странах, не являющихся либеральными демократиями, где национальная безопасность и государственный контроль зачастую доминируют над технологическим развитием и гражданскими свободами (Hellmeier, 2016). В этой связи насколько оправданно рассматривать подобные государства как единый тип модели цифрового суверенитета? Данная статья направлена на поиск ответа на этот вопрос.

Согласно определению Дж. Похле и Т. Тия (Pohle & Thiel, 2020), цифровой суверенитет представляет собой реализацию государством суверенного контроля над

¹ В связи с неоднозначностью понятия «авторитарный режим», охватывающего широкий спектр политических систем, не подпадающих под определение «либеральной демократии», принятое в западной политической науке, в данном исследовании для обозначения политических режимов России и Китая будет использоваться термин «страны, не являющиеся либеральной демократией».

цифровым контентом и цифровой инфраструктурой в интересах нации в том виде, в каком эти интересы понимаются самим государством. Распространенное представление о том, что в авторитарных режимах государственные интересы тождественны интересам правящей элиты, в целом справедливо для стран, не являющихся либеральными демократиями, преимущественно в отношении «традиционных» отраслей. Однако в сфере новых и перспективных технологий даже формулировка «правильных» представлений представляет собой сложную задачу. Поэтому важно понять, как именно формируются эти представления, являются ли они последовательными или же содержат внутренние противоречия в рамках дискурса о цифровом суверенитете.

Кроме государства в процессе выработки представлений о том, что такое новые и перспективные технологии и какова их роль в формировании суверенитета государства, участвуют и экономические агенты — как частные, так и государственные компании, интегрированные в мировую экономику. Их экономический успех становится частью успеха государства, а следовательно, понятие национального интереса может варьироваться. В данной статье рассматривается, как концепт цифрового суверенитета формируется в странах, не являющихся либеральными демократиями, — России и Китае. В последнее время начинают появляться эмпирические исследования, в которых прослеживается стремление обозначить сходства и различия между складывающимися моделями управления цифровым суверенитетом в Китае и России (Khasanova & Tai, 2023). Очевидно, речь идет о разных моделях, требующих детального изучения. В последующих разделах статьи будет представлен анализ различий в дискурсе цифрового суверенитета двух государств.

Методология и данные

Т.Дж. Бирстекер и К. Вебер (State Sovereignty as Social Construct, 1996) рассматривают суверенитет как социальную идею, связывающую территорию, общество и власть и формирующуюся в результате

действий влиятельных агентов внутри государства. Эти действия могут вызывать сопротивление со стороны агентов, находящихся «на периферии власти» (State Sovereignty as Social Construct, 1996, p. 3). Данный подход применим и к ЦС, в рамках которого властные субъекты определяют доминирующие повестки и политику. Компонент «цифровых технологий» дополняет традиционную триаду «территория — общество — власть» технологическим измерением. Именно эта аналитическая рамка положена в основу нашего исследования.

В странах, не являющихся либеральными демократиями, несмотря на то что государство выступает в качестве основного субъекта, экономические акторы также выражают как национальные, так и международные экономические интересы. Это позволяет сформулировать следующие исследовательские положения в отношении таких стран:

1) дискурс цифрового суверенитета включает множество акторов, а не только государство. К ним относятся компании и разработчики ИТ-технологий;

2) данный дискурс формирует нарративы о цифровом суверенитете как в политической, так и в экономической сферах — на национальном и международном уровнях;

3) технологии играют ключевую роль в реализации цифрового суверенитета, обеспечивая стратегическую автономию государства и укрепляя его экономическое, политическое и военное влияние. Они становятся критически важным элементом глобальной конкуренции и национального экономического развития².

С одной стороны, технологии предоставляют государству все более совершенные и мощные инструменты контроля над населением (MacKinnon, 2011; Toral, 2022). С другой — многие авторы показывают, что в авторитарных государствах технологии также могут подрывать способность государства контролировать своих граждан (Price, 2002;

² Madiaga T. Digital Sovereignty for Europe // European Parliamentary Research Service Briefing. 2020. No. PE 651.992. См. также: (Ajayi, Bagula & Maluleke, 2023).

Goldsmith & Wu, 2006; Owen, 2015). Это делает исследование ценностного наполнения содержания концепта ЦС актуальным для любого типа государств.

Цифровые технологии часто рассматриваются в рамках двух технологических режимов: третьей промышленной революции (3ПР) и четвертой промышленной революции (4ПР). Следуя традиции, принятой в академической литературе, под технологиями 4ПР понимаются интернет вещей, большие данные, облачные, туманные и периферийные вычисления, искусственный интеллект и машинное обучение (Ajayi, Bagula & Maluleke, 2023).

Эти соображения позволяют выстроить матрицы сфер, в которых может формироваться дискурс о цифровом суверенитете. На аналитическом уровне такие матрицы можно декомпозировать по следующим шкалам:

— экономический — политический / международный — национальный уровни;
— технологии 3ПР — технологии 4ПР / международный уровень — национальный уровень.

Средства массовой информации играют ключевую роль в формировании цифрового суверенитета как медийного и политического концепта. Медиа создают картину реальности, распространяя и трансформируя разнообразные факты и мнения (Luhmann, 2000). Медийные сообщения, как указывал М. Маклюэн (McLuhan, 2001), являются социальными фактами и представляют собой плодотворное поле для изучения механизмов их формирования и развития. Анализ медиа позволяет реконструировать смысловые рамки, в которых действуют участники дискурса о ЦС. В этой связи исследование носит междисциплинарный характер и опирается на системный и исторический анализ, медиаисследования и исследования в области инноваций.

Для того чтобы понять, как конструируется цифровой суверенитет, были проанализированы публикации в российских и китайских СМИ с применением количественного анализа текстов. Для России использовалась база данных «Интегрум», содержащая архив текстов российских СМИ с начала 1990-х гг. С использованием ключевых слов «цифровой

суверенитет» и «киберсуверенитет» была сформирована выборка из около 2 500 текстов, которая после ручной очистки перепечаток и нерелевантных текстов сократилась до 1 864 статей, охватывающих период с первого упоминания термина ЦС в российских медиа (2011 г.) по июнь 2021 г.

Для Китая применялся ручной поиск по *Baidu.com*, в результате которого была собрана выборка из 1 033 уникальных материалов с первого упоминания термина ЦС в китайских медиа (2012 г.) по июнь 2021 г. С помощью программного комплекса *Megaputer PolyAnalyst* были выделены тематические кластеры, организации, компании, персоны, географические локации, ключевые слова и связи между ними. Этот анализ позволил выявить дискурсивные позиции национальных медиа и сопоставить, как конструируется ЦС в России и Китае. По итогам анализа была реконструирована концептуализация «цифрового суверенитета» в российском и китайском медийном пространстве.

Кейс России

В российских медиа цифровой суверенитет чаще всего связывается с деятельностью законодателей и парламента, а не исполнительной власти. Среди упоминаемых государственных органов выделяются Министерство связи и массовых коммуникаций, а также Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Некоммерческий сектор в дискурсе практически не представлен.

Зато активно фигурирует частный сектор — особенно американские технологические гиганты, такие как *Google*, *Microsoft*, *Facebook*³ и *Apple*. Среди российских цифровых и государственных компаний в дискурсе о цифровом суверенитете наиболее часто упоминаются «Яндекс» и «Лаборатория Касперского», а также *InfoWatch Group*, «Ростелеком» и Сбербанк. Эти компании тесно связаны с государством и могут рассматриваться как околосударственные

³ Деятельность социальной сети *Facebook*, являющейся частью компании *Meta Platforms Inc.*, запрещена на территории Российской Федерации.

структуры. К отраслям, ассоциирующимся с цифровым суверенитетом в российских медиа, относятся информационные технологии, телекоммуникации, СМИ, разработка программного обеспечения, компьютеры и электронное оборудование, банковская сфера, энергетика и добывающая промышленность.

Шкала «Экономическое — Политическое / Международное — Национальное»

Кластерный анализ российских медиа показывает равномерное распределение упоминаний по шкалам «экономическое — политическое» и «международное — национальное», при этом наибольшее внимание уделяется сектору «национальное — политическое». Именно в этом сегменте сосредоточены сюжеты о блокировке социальных сетей, мессенджеров и веб-сайтов, а также о формировании российского сегмента интернета (Рунета) как ответной меры

на внешние угрозы. Законы, предлагаемые российскими законодателями для блокировки определенных интернет-ресурсов, становятся частью дискурса о цифровом суверенитете, подчеркивая стремление государства к защите информационного пространства и ограничению свободного потока информации.

Вопросы защиты данных, персональных данных и суверенитета данных вошли в дискурс о цифровом суверенитете в начале 2021 г., что, вероятно, связано с охранительным характером самого концепта. В медиа регулярно подчеркивается необходимость защиты личности, граждан и детей от вредоносной информации. Основной кластер обсуждает нормативные инициативы, ограничивающие свободное распространение информации; часто встречаются такие термины, как «цензура», «права» и «свободы». Российский политический контекст при этом позволял СМИ выражать различные позиции по поводу предлагаемых законопроектов (рис. 1).

Рис. 1. Матрица кластеров в российских медиа, шкала «экономическое — политическое» / «международное — национальное»: кластеры пронумерованы в соответствии со значимостью кластеров ключевых слов, рассчитанной с помощью программы *PolyAnalyst*.

Всего в российском корпусе было выделено 15 кластеров.

Источник: составлено Е.В. Поповой на основе кластерного анализа ключевых слов с использованием программного обеспечения *PolyAnalyst*.

Квадранты «международное — политическое» и «национальное — экономическое» также оказались значимыми. Внутриэкономические вопросы, связанные с цифровым суверенитетом, касаются в первую очередь политики импортозамещения, особенно в сфере программного обеспечения, а также цифровизации экономики и государства. В обсуждениях также фигурируют такие темы, как «электронная демократия» и развитие региональной экономики за счет цифровых технологий, но не на общенациональном уровне.

Квадрант «международное — политическое» связывает внешние угрозы с такими понятиями, как «война», «атака», «кибербезопасность» и «защита», и отражает положения внешнеполитической доктрины России. В него также входят сюжеты о конфронтации в финансовой сфере, где новые технологии ставят под сомнение доминирование доллара США. Основными противниками, фигурирующими в медийных нарративах, являются США, Европа и Китай.

Международные экономические отношения обсуждаются в меньшей степени. Выделяются кластеры, посвященные программам платформизации Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и развитию инноваций. Заявление председателя Правительства РФ Д.А. Медведева против создания «цифрового колхоза»⁴ цитировалось различными акторами в дискуссиях о цифровом развитии.

Шкала «Технологии 3ПР — технологии 4ПР / Международное — Национальное»

Более 600 ключевых слов, используемых в российских медиа в контексте цифрового суверенитета, относятся к технологиям. Однако большинство из них не входят в топ-100 по значимости и отличаются обобщенным характером: «технология», «технический», «компьютер», «цифровой», «цифровизация» и т. п. Если расположить упоминаемые технологии по шкале «национальное — международное», то в технологических нарративах

преобладает национальный контекст (рис. 2). Медиа активно говорят об «отечественных технологиях» 3ПР, используя такие ключевые слова, как «отечественное ПО», «отечественные серверы», «российская операционная система», «национальный домен» и другие отечественные цифровые компоненты. Эти публикации подчеркивают необходимость разработки конкурентоспособного российского программного обеспечения, пригодного для мирового рынка, и акцентируют внимание на значении открытого и свободного ПО.

Ключевые слова, не связанные с устойчивыми кластерами, оказываются важными при рассмотрении технологий, на которые отсылает концепт цифрового суверенитета. Среди них «данные», «защита данных» и проблемы безопасности, которые играют ключевую роль.

Технологии 4ПР располагаются в квадранте «международное», поскольку криптовалюты и блокчейн являются трансграничными технологиями. Технологии 3ПР могут быть связаны с международным уровнем только в том случае, если речь идет о нарративах, описывающих внешние угрозы, препятствующие реализации национального суверенитета.

За исключением одного кластера новые технологии в российском медийном дискурсе всегда ассоциируются с государством, а не с отдельными гражданами или пользователями (рис. 2). В тех случаях, когда в медиа одновременно упоминаются технологии и отдельные люди, они почти всегда связаны с вопросами безопасности и государственного регулирования. Большинство технологических кластеров сосредоточено на внутренних проблемах и технологиях 3ПР, при этом акцент делается на защитной функции государства и «национальных традициях», которые якобы не требуют использования новейших технологических решений.

Наблюдается четкое разделение технологий между экономической и политической сферами. Технологии 3ПР связаны преимущественно с политическим дискурсом, в то время как технологии 4ПР относятся к экономическим вопросам (рис. 3).

⁴ Медведев пообещал не строить «цифровой колхоз» в России // РБК. 17.10.2017. URL: <https://amp.rbc.ru/rbcnews/rbcfrenews/59e60ae19a7947ba497a86ff> (дата обращения: 12.10.2024).

Рис. 2. Матрица кластеров, связанных с технологиями, в международном и национальном измерениях

Источник: составлено Е.В. Поповой на основе кластерного анализа ключевых слов, проведенного с использованием программного обеспечения *PolyAnalyst*.

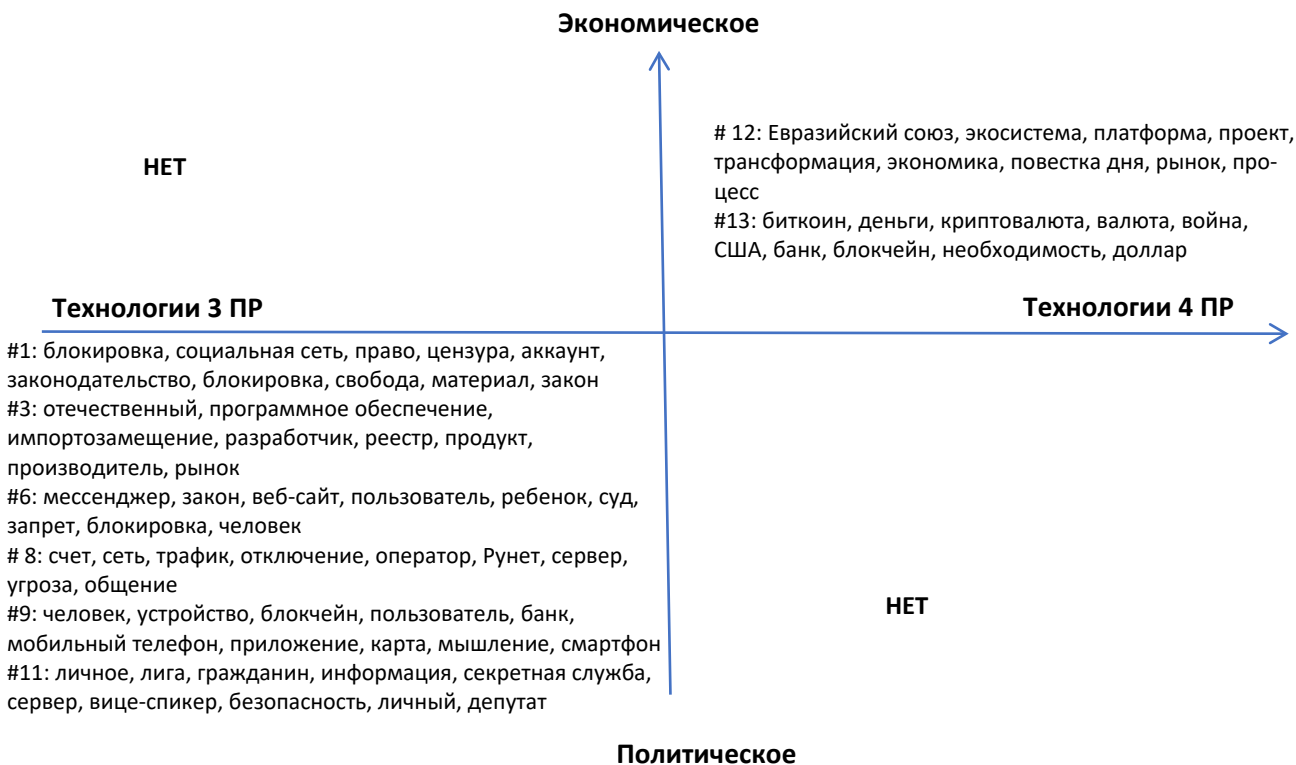

Рис. 3. Матрица кластеров, связанных с технологиями, в политической и экономической сферах российского медиадискурса

Источник: составлено Е.В. Поповой на основе кластерного анализа ключевых слов, проведенного с использованием программного обеспечения *PolyAnalyst*.

К числу экономических тем относятся сотрудничество в рамках Евразийского союза и регулирование финтеха, в особенности криптовалют⁵.

Российские медиа и ключевые акторы в целом игнорируют технологии за пределами программного обеспечения и компьютерного «железа». Среди ста наиболее часто упоминаемых технологических терминов к технологиям 4П относятся лишь «биткойн», «блокчейн», «видеохостинг», «шифрование» и «автоматизация текущего бизнеса», причем все они обсуждаются преимущественно в негосударственных медиа. В российских государственных СМИ почти не встречаются такие значимые технологические термины, как «базы данных», «хранение данных», «большие данные», «облачные технологии» или «виртуальная реальность».

Кейс Китая

В китайских медиа в качестве ключевых акторов чаще всего упоминаются негосударственные компании и организации. Из 225 организаций, фигурирующих в анализе, 104 относятся к сфере образования и науки — преимущественно это университеты и исследовательские центры. Лишь немногие государственные структуры упоминаются в текстах: только три связаны с американскими агентствами и две — с китайскими. Остальные относятся к научно-образовательному сектору.

Среди 213 компаний, упомянутых в корпусе текстов, лидируют компании из США, которые встречаются 60 раз. Далее следуют китайские компании (42 упоминания), японские (19), немецкие (14) и французские (13). Компании из других стран встречаются менее 10 раз, включая представителей из Великобритании, Индии, Республики Корея и Сингапура. Особенно заметны американские компании, а также их партнеры из Юго-Восточной Азии и Европы. Наибольшее внимание уделяется отраслям программного

обеспечения и технических услуг, автомобилестроению и банковскому сектору.

Если говорить о конкретных компаниях, то в США наибольшее количество упоминаний в сфере цифровых сервисов и разработки компьютеров получили *Facebook*⁶, *Microsoft Corporation* и *Amazon*. В Китае основными акторами в дискурсе выступают компании *Baidu*, *Alibaba* и *Jingdong* (JD.com). В целом американские компании упоминаются в китайских медиа чаще, чем китайские: лишь четыре китайские компании вошли в число 14, названия которых встречаются часто.

Организации в дискурсе представлены более разнообразно. В тройке лидеров находятся китайские университеты: Цинхуа, Жэньминь и Фудань. Примечательно, что один из китайских университетов занимает второе место в общем рейтинге упоминаемых в СМИ организаций. Среди международных организаций наиболее часто встречаются Всемирный банк, Международный валютный фонд и Международный союз электросвязи. Также часто упоминаются Гарвардский и Стэнфордский университеты, а также американские разведывательные агентства — в числе важнейших не китайских организаций, формирующих дискуссии о цифровых сервисах.

Концепт суверенитета в китайском медиадискурсе в основном соотносится с отдельными личностями, хотя сами по себе такие упоминания встречаются относительно редко. Лидирует Си Цзиньпин, который фигурирует в 75 публикациях за десятилетие, за ним следуют Ангела Меркель, Урсула фон дер Ляйен и Дональд Трамп, упомянутый всего 10 раз.

В целом дискурс о цифровых сервисах в китайских СМИ менее персонализирован и сосредоточен в первую очередь на странах, прежде всего на Китае и США, что связано с продолжающимся технологическим и экономическим противостоянием между ними. Государствам Юго-Восточной Азии также

⁵ Соответствующий законопроект был внесен в Государственную Думу в 2022 г. и на данный момент находится на стадии рассмотрения.

⁶ Деятельность социальной сети *Facebook*, являющейся частью компании *Meta Platforms Inc.*, запрещена на территории Российской Федерации.

уделено заметное внимание в контексте региональных амбиций Китая, включая амбиции в сфере технологий.

Шкалы «Экономическое — Политическое / Международное — Национальное»

Кластерный анализ китайских медиа выявил в целом равномерное распределение кластеров по шкале «экономическое — политическое», однако дискурс «международного» значительно преобладает над национальной проблематикой по шкале «международное — национальное» (рис. 4).

Международная тематика часто пересекается с вопросами международной торговли и партнерства — такие пересечения зафиксированы в пяти из девяти кластеров. Эти обсуждения, как правило, не содержат прямых упоминаний угроз со стороны других

стран, но часто сопряжены с темами новых технологий. Международная торговля и партнерство представлены в семи кластерах, экономика и финансы обсуждаются в таком же количестве кластеров. Темы открытости фигурируют в шести кластерах, причем чаще всего — в сочетании с новыми технологиями.

В политической сфере наблюдается выраженный акцент на антиколониальный дискурс — как на глобальном, так и на национальном уровне, особенно в виде критики в адрес западных подходов и идеологий (кластер 15). В этот дискурс включаются и сюжеты, связанные с глобальной экспансией и доминированием американских технологических гигантов. Национальные проблемы фокусируются на борьбе с монополизацией отраслей, развитии трансграничного сотрудничества и формировании инновационной политики в отдельных секторах экономики.

Рис. 4. Матрица кластеров китайских медиа, шкала «экономическое — политическое» / «международное — национальное»: кластеры пронумерованы в соответствии с уровнем значимости кластеров ключевых слов, рассчитанным с помощью программы *PolyAnalyst*. Всего в китайском корпусе было выделено 23 кластера — больше, чем в российской выборке, что свидетельствует о более консолидированной повестке.

Источник: составлено Е.В. Поповой на основе кластерного анализа ключевых слов, проведенного с использованием программного обеспечения *PolyAnalyst*.

Среди 20 наиболее значимых ключевых слов и выражений лишь немногие непосредственно связаны с этими политическими темами. Большинство — экономические: «потребитель», «экономика», «поставщик», «производство». Из политических понятий встречаются лишь «конкурентоспособность», «международные организации» (в первую очередь речь идет об ООН) и «безопасность». Преобладание термина «глобализация» подчеркивает международное измерение дискурса наряду с технологическими понятиями, такими как «Интернет», «цифровизация», «искусственный интеллект» (топ-3 терминов, связанных с цифровыми сервисами), «компьютер» и «информатизация».

Шкала «Технологии 3ПР — технологии 4ПР / Международное — Национальное»

Чтобы визуализировать связь технологий с базовой шкалой «экономическое — политическое», соответствующие кластеры были нанесены на график. Анализ показал, что технологические вопросы в китайских медиа в первую очередь ассоциируются с экономическим развитием, а не с политикой (рис. 5). При этом технологии как третьей, так и четвертой промышленной революции оказываются одинаково значимыми.

В дискуссиях о цифровом суверенитете Китая технологические вопросы в значительной степени переплетены с международными отношениями. В рамках динамики «международное — национальное» основное внимание уделяется технологиям третьей промышленной революции, таким как энергетика, деятельность интернет-гигантов и телекоммуникации (рис. 6). Вопросы, связанные с развитием и будущими технологиями, играют второстепенную роль по сравнению с темами глобальной конкуренции и торговых конфликтов, в которых акцент делается на национальном суверенитете Китая. Технологии четвертой промышленной революции интегрируются в дискуссии о глобальных вызовах, требующих сотрудничества и продвижения в науке.

Этот аспект побудил нас выделить отдельную шкалу, которая не представлена в российском медиадискурсе, связанную с обсуждением концепта цифрового суверенитета. Речь идет о шкале «глобальные проблемы — локальные проблемы» (рис. 7).

Глобальные проблемы, решение которых требует совместных усилий, занимают пока сравнительно небольшое место в дискурсивных описаниях (всего два кластера), однако они находятся далеко не на последних местах по значимости и числу упоминаний и связаны как с внешней, так и с внутренней повесткой.

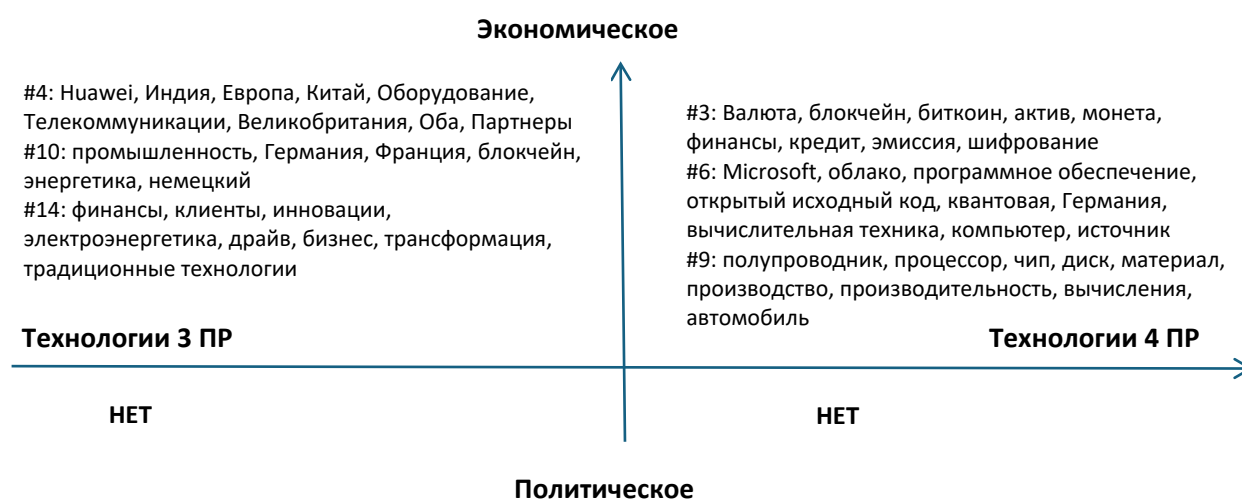

Рис. 5. Матрица кластеров, связанных с технологиями, в политической и экономической сферах китайских медиа

Источник: составлено Е.В. Поповой на основе кластерного анализа ключевых слов, проведенного с использованием программного обеспечения *PolyAnalyst*.

Рис. 6. Матрица кластеров, связанных с технологиями, в международном и национальном измерениях китайских медиа
 Источник: составлено Е.В. Поповой на основе кластерного анализа ключевых слов, проведенного с использованием программного обеспечения *PolyAnalyst*.

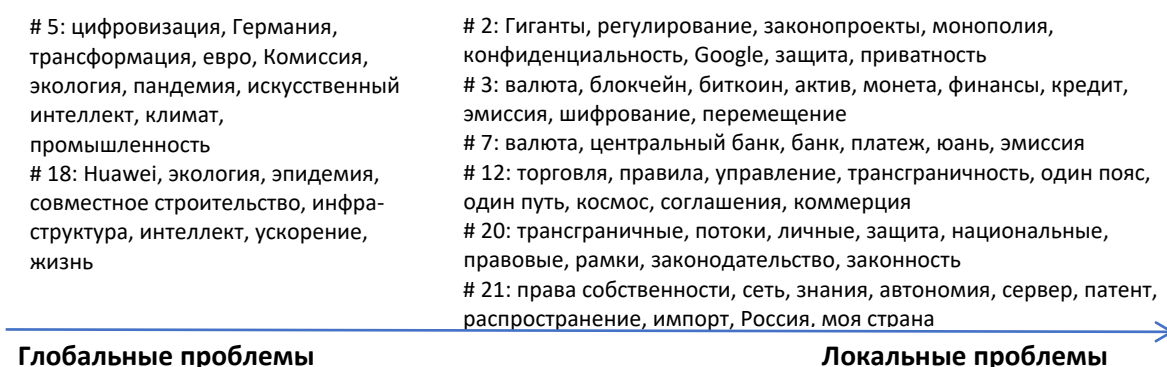

Рис. 7. Распределение кластеров по шкале «глобальные проблемы — локальные проблемы» в китайских медиа

Источник: составлено Е.В. Поповой на основе кластерного анализа ключевых слов, проведенного с использованием программного обеспечения *PolyAnalyst*.

Локальные проблемы в основном касаются регулирования деятельности и установления правил для зарубежных технологических компаний, а также вопросов развития китайской экономики и трансграничного сотрудничества.

Сравнительный анализ дискурса цифрового суверенитета в России и Китае

В данном исследовании мы проанализировали, как и какими акторами формируется концепт цифрового суверенитета в публичном

медиапространстве России и Китая. Любой термин, используемый социальными акторами для описания реальности, в которой они действуют, может стать предметом анализа, поскольку обладает перформативностью: он одновременно формирует категории мышления субъекта и конституирует саму реальность. Исходя из этого, нами рассмотрена политика формирования ЦС в публичном дискурсе стран, не являющихся либеральной демократией. Проанализировано, кто, с какой целью и по какой причине говорит о ЦС.

Во-первых, необходимо подчеркнуть, что на национальном уровне в обоих государствах понятие цифрового суверенитета в медиа чаще всего используется в контексте государственного контроля над технологиями. Однако негосударственные акторы, прежде всего экономические, также используют его в своих интересах. Мы не обнаружили свидетельств того, что в дискурсе Китая и России индивидуалистское понимание суверенитета может конкурировать с государственно-центричной моделью, как это предполагается в некоторых исследованиях, посвященных изменению понятия ЦС в современной Европе (см., например: (Pohle & Thiel, 2020)). Общественное восприятие цифрового суверенитета в обеих странах объединяет недоверие к способности пользователей и общества самостоятельно вырабатывать механизмы защиты личных данных и информации. Предполагается, что они не могут эффективно защищаться от транснациональных корпораций и иностранных государств. Патерналистская защита со стороны государственных структур (а в случае Китая — и со стороны национальных компаний) становится гарантией безопасности граждан. В то же время в российских медиа проблема прав человека в контексте данных обсуждалась в период с 2014 по 2017 г. В китайских медиа практически не упоминаются другие политические или экономические акторы, кроме обобщенного общества, от имени которого действует государство.

Во-вторых, нами выявлено два различных подхода к контролю и автономии внутри государств в рамках концептов технологического суверенитета, формируемых в медийном дискурсе России и Китая. Первый подход рассматривает ЦС как способность государств и компаний самостоятельно развиваться в инновационном направлении и участвовать в создании технологий. Китайские медиа подчеркивают необходимость создания условий для развития национальных технологий, что выступает в качестве проявления экономического национализма и способа укрепления позиций страны на глобальных рынках. В российском случае основной акцент делается на защите от иностранных

технологий (импортозамещение). О собственных разработках, способных конкурировать на мировом рынке, говорится редко. Лишь незначительная доля публикаций затрагивает вопрос необходимости распространения свободного программного обеспечения и автономной цифровой инфраструктуры.

Второй подход, встречающийся только в российских медиа, акцентирует внимание на необходимости защиты конфиденциальных данных — как частных лиц, так и государственных органов и предприятий различных форм собственности.

В-третьих, концепт ЦС отражает разные уровни участия различных акторов. В академической литературе различают «слабый» и «сильный» суверенитет. Первый предполагает попытки частных компаний обеспечить защиту данных с фокусом на цифровые права (Polatin-Reuben & Wright, 2014), а второй — меры государственной политики, направленные на защиту национальной безопасности. Применительно к странам БРИКС показано, что Бразилия, Индия и Южно-Африканская Республика (ЮАР) склонны к модели слабого суверенитета, тогда как Россия и Китай демонстрируют приверженность модели сильного суверенитета (Кутюр, Тоупин, 2020; Budnitsky & Jia, 2018).

Тем не менее наши данные показывают, что Россия и Китай по-разному представляют реализуемую политику. В китайских медиа на первый план выходят компании и экономические вопросы, в то время как в российских — действия государства. В китайском случае международная повестка выглядит сравнительно мирной: акцент делается на расширение присутствия на мировых технологических рынках, в российском — доминирует риторика угроз, безопасности и военный дискурс. Однако в обоих случаях государство играет ключевую роль в обеспечении цифрового суверенитета. При этом именно Китай на практике демонстрировал наиболее жесткие меры цифрового контроля над гражданами, противоречащие принципу свободного интернета (Torral, 2022). В России попытки ввести «цифровую цензуру» начались в середине 2010-х гг. (Ermoshina, Loveluck & Musiani, 2021), но, как показывают исследования,

зачастую наталкивались на сопротивление провайдеров. По нашим данным, по крайней мере до начала 2021 г. эти законопроекты активно обсуждались в публичном пространстве, прежде всего экономическими акторами. Политические фигуры почти перестали выступать с более мягким взглядом на ЦС. Одним из возможных объяснений может быть стремление Китая к экономическому глобализму и отсутствие таких целей в стратегии РФ.

В-четвертых, ЦС как концепт обладает перформативностью. Перформативность означает, что реальности и их репрезентации создаются в процессе их «воспроизведения». По мнению Дж. Ло (Law, 2008), если заменить глагол «делать» на «создавать» (*make reality*), мы получим перформативный акт. Если реальность реализуется через дискурсы и практики, то изменение последних ведет к трансформации самой реальности. Это открывает возможность через дискурсивные практики формировать более или менее доминирующие альтернативы. В рассматриваемых случаях термин «цифровой суверенитет» используется как проявление гегемонизма: в Китае это экономическая гегемония, в России — политическая мощь и противопоставление доминирующей роли США. В обоих случаях проблематизируются власть транснациональных корпораций, позиция в системе интернет-управления и влияние спецслужб других государств⁷.

В-пятых, те, кто говорит о ЦС, и те, о ком говорят в его контексте, — это разные группы. На первый план выходят экономические акторы, прежде всего технологические компании, которые необходимо защищать и продвигать ради экономического развития. Без экспертной позиции технического сообщества трудно формулировать политику даже государственным деятелям. Среди иностранных компаний и в китайских, и в российских медиа лидируют *Microsoft* и *Facebook*⁸, но

далее списки расходятся: в Китае чаще упоминаются *Amazon* и *IBM*, в России — *Google* и *Twitter*⁹.

Если говорить об остальных акторах, то и здесь наблюдаются различия. В российских медиа чаще выступают представители государственных структур, среди которых больше депутатов и сенаторов, чем чиновников. Первые говорят о внешних угрозах, иностранных разведках и недобросовестных цифровых корпорациях, вторые — о защите от зарубежных компаний. В китайском случае политики почти не участвуют в дискуссии о ЦС. Речь идет в основном о национальных стратегиях, крайне редко — об упоминаниях Генерального секретаря КПК. Это можно объяснить деперсонализированным характером ЦС Китая. Китайские медиа активно обсуждают университеты и исследовательские центры в контексте ЦС, тогда как в российских такие упоминания почти отсутствуют. Научное сообщество в России также почти не представлено как участник формирования дискурса.

Наиболее часто в китайском дискурсе о ЦС упоминаются США и страны Юго-Восточной Азии, в российском — США, Китай и европейские страны.

В-шестых, лишь частично ЦС в исследуемых случаях действительно связан с характеристиками технологий. Это неожиданно, поскольку прилагательное «цифровой» должно указывать на технологическую природу явления. Однако, как показал анализ, термин часто используется не для обсуждения технологий, а для легитимации суверенитета в традиционном его понимании. Это дает возможность разным акторам использовать ЦС как инструмент стратегического позиционирования. Например, крупные российские компании могут формировать образ внешней технологической угрозы (без конкретного технического наполнения), чтобы получить экономические преференции и политическую поддержку протекционистских мер.

⁷ Российский кейс подробнее рассмотрен в: (Ustyuzhantseva & Popova, 2025).

⁸ Проект компании Meta Platforms Inc., деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

⁹ Социальная сеть *Twitter* (ныне — *X*) заблокирована Роскомнадзором Российской Федерации в 2022 г. (Прим. ред.).

Эти сложные связи между политическим и экономическим, внешним и внутренним измерениями ЦС приводят к различиям в обсуждаемых технологиях. В российском случае наблюдаются либо расплывчатые формулировки, либо акцент на технологиях ЗПР. В Китае технологии играют более важную роль в формировании дискурса ЦС, особенно технологии 4ПР, что связано с конкуренцией на мировых рынках и необходимостью защиты национальных технологических гигантов.

Еще одно важное наблюдение — это связь для китайского понимания ЦС с глобальными проблемами: экологией, пандемией и изменением климата. В российских публикациях такие темы в контексте ЦС не встречаются.

Заключение

Выявленные различия в формирующихся представлениях о цифровом суверенитете в медиа России и Китая подчеркивают

важность изучения новых моделей ЦС и их концептуализации в странах, не являющихся либеральными демократиями. Это позволяет выйти за пределы дуалистических подходов и предложить более детализированные аналитические конфигурации. С методологической точки зрения необходимо отходить от упрощенных дихотомий типа «экономическое — политическое» и «национальное — международное». Для этого в статье был применен матричный анализ кейсов, объединяющий традиционные шкалы и показывающий различия не только между либеральными и нелиберальными странами. В то время как существующая литература часто утверждает схожесть моделей ЦС Китая и России, данное исследование ставит это под сомнение, подчеркивая необходимость сравнительных исследований и теоретизации новых моделей цифрового суверенитета в контекстах стран, не являющихся либеральными демократиями.

Поступила в редакцию / Received: 07.06.2023
Доработана после рецензирования / Revised: 13.02.2025
Принята к публикации / Accepted: 20.03.2025

Список литературы

- Дегтерев Д. А. Ценностный суверенитет в эпоху глобальных конвергентных медиа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 2. С. 352–371. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-2-352-371>; EDN: OSWUKF
- Дементьев В. Е. Перспективы России при цифровом доминировании Китая и США // Проблемы прогнозирования. 2022. № 4. С. 6–17. <http://dx.doi.org/10.47711/0868-6351-193-6-17>; EDN: MFRHGP
- Ефремов А. А. Формирование концепции информационного суверенитета государства // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 1. С. 201–215. EDN: YGWGYH
- Зиновьева Е. С., Булга В. И. Цифровой суверенитет Европейского союза // Современная Европа. 2021. № 2. С. 40–49. <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope220214049>; EDN: IOMTFV
- Кутюр С., Тоупин С. Что означает понятие «суверенитет» в цифровом мире? // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2020. Т. 15, № 4. С. 48–69. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2020-04-03>; EDN: ZCVYRH
- Леонтьева Л. С., Кудина М. В., Воронов А. С., Сергеев С. С. Формирование национального цифрового суверенитета в условиях дифференциации пространственного развития // Государственное управление. Электронный вестник. 2021. № 84. С. 277–299. <https://doi.org/10.24412/2070-1381-2021-84-277-299>; EDN: BRJMUJ
- Ребро О., Гладышева А., Сучков М., Сушенцов А. Понятие «цифрового суверенитета» в современной мировой политике: вызовы и возможности для России // Международные процессы. 2021. Т. 19, № 4. С. 47–67. EDN: QPXXVU
- Ajayi O., Bagula A., Maluleke H. The Fourth Industrial Revolution: A Technological Wave of Change // Industry 4.0 : Perspectives and Applications / ed. by M. Gordan, Kh. Ghaedi, V. Saleh. London : IntechOpen, 2023. P. 1–22. <https://doi.org/10.5772/intechopen.106209>
- Budnitsky S., Jia L. Branding Internet Sovereignty: Digital Media and the Chinese-Russian Cyberalliance // European Journal of Cultural Studies. 2018. Vol. 21, no. 5. P. 594–613. <https://doi.org/10.1177/1367549417751151>; EDN: PNRMAW
- Ermoshina K., Loveluck B., Musiani F. A Market of Black Boxes: The Political Economy of Internet Surveillance and Censorship in Russia // Journal of Information Technology & Politics. 2021. Vol. 19, iss. 1. P. 18–33. <https://doi.org/10.1080/19331681.2021.1905972>; EDN: PQPKDV

- Floridi L. The Fight for Digital Sovereignty: What It Is, and Why It Matters, Especially for the EU // *Philosophy & Technology*. 2020. Vol. 33, iss. 3. P. 369–378. <https://doi.org/10.1007/s13347-020-00423-6>
- Glaze K., Ho D. E., Ray G. K., Tsang Ch. Artificial Intelligence for Adjudication: The Social Security Administration and AI Governance // *The Oxford Handbook of AI Governance* / ed. by J. B. Bullock et al. Oxford : Oxford University Press, 2024. P. 779–796. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780197579329.013.46>
- Goldsmith J., Wu T. Who Controls the Internet? Illusions of a Borderless World. Oxford : Oxford University Press, 2006. <https://doi.org/10.1093/oso/9780195152661.001.0001>
- Hellmeier S. The Dictator's Digital Toolkit: Explaining Variation in Internet Filtering in Authoritarian Regimes // *Politics and Policy*. 2016. Vol. 44, iss. 6. P. 1158–1191. <https://doi.org/10.1111/polp.12189>; EDN: YXPMNH
- Jiang M. Authoritarian Informationalism: China's Approach to Internet Sovereignty // *SAIS Review of International Affairs*. 2010. Vol. 30, no. 2. P. 71–89. <https://doi.org/10.1353/sais.2010.0006>
- Khasanova L., Tai K. An Authoritarian Approach to Digital Sovereignty? Russian and Chinese Data Localisation Models // SSRN. 2023. P. 1–21. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4527052>
- Law J. On Sociology and STS // *The Sociological Review*. 2008. Vol. 56, iss. 4. P. 623–649. <https://doi.org/10.1111/j.1467-954X.2008.00808.x>
- Luhmann N. The Reality of the Mass Media. Stanford : Stanford University Press, 2000.
- MacKinnon R. Liberation Technology: China's "Networked Authoritarianism" // *Journal of Democracy*. 2011. Vol. 22, no. 2. P. 32–46. <https://doi.org/10.1353/jod.2011.0033>
- McLuhan M. Understanding Media : The Extensions of Man. 2nd ed. London and New York : Routledge, 2001.
- Musiani F. Infrastructuring Digital Sovereignty: A Research Agenda for an Infrastructure-Based Sociology of Digital Self-Determination Practices // *Information, Communication & Society*. 2022. Vol. 25, iss. 6. P. 785–800. <http://dx.doi.org/10.1080/1369118X.2022.2049850>; EDN: OSEVVA
- Owen T. Disruptive power : The crisis of the state in the digital age. Oxford : Oxford University Press, 2015. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199363865.001.0001>
- Pohle J., Thiel T. Digital Sovereignty // *Internet Policy Review*. 2020. Vol. 9, no. 4. P. 1–19. <https://doi.org/10.14763/2020.4.1532>; EDN: SIFCCI
- Polatin-Reuben D., Wright J. An Internet with BRICS Characteristics: Data Sovereignty and the Balkanisation of the Internet // 4th USENIX Workshop on Free and Open Communications on the Internet. 2014. P. 1–10. URL: <https://www.usenix.org/system/files/conference/foci14/foci14-polatin-reuben.pdf> (accessed: 12.10.2024).
- Price M. E. Media and Sovereignty : The Global Information Revolution and Its Challenge to State Power. Cambridge, MA : The MIT Press, 2002. <https://doi.org/10.7551/mitpress/4533.001.0001>
- Stadnik I. Internet Governance in Russia — Sovereign Basics for Independent Runet // TPRC47: The 47th Research Conference on Communication, Information and Internet Policy. 2019. P. 1–16. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3421984>
- State Sovereignty as Social Construct / ed. by T. J. Biersteker, C. Weber. Cambridge : Cambridge University Press, 1996. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511598685>
- Strickling L. E., Hill J. F. Multi-stakeholder Internet Governance: Successes and Opportunities // *Journal of Cyber Policy*. 2017. Vol. 2, iss. 3. P. 296–317. <http://dx.doi.org/10.1080/23738871.2017.1404619>
- Ten Oever N. The Metagovernance of Internet Governance // *Power and Authority in Internet Governance : Return of the State?* / ed. by B. Haggart, N. Tusikov, J. A. Scholte. 1st ed. London and New York: Routledge, 2021. P. 56–75. <http://dx.doi.org/10.4324/9781003008309-5>
- Topal R. The Rise of Digital Repression: How Technology Is Reshaping Power, Politics, and Resistance // *The Information Society*. 2022. Vol. 38, iss. 1. P. 77–78. <http://dx.doi.org/10.1080/01972243.2022.2014222>; EDN: KQCJMY
- Ustyuzhantseva O., Popova E. Shaping Digital Sovereignty in Russia: Actors and Debates // *Problems of Post-Communism*. 2025. Vol. 72, iss. 1. P. 76–87. <https://doi.org/10.1080/10758216.2024.2346202>
- Wu T. S. Cyberspace Sovereignty? — The Internet and the International System // *Harvard Journal of Law & Technology*. 1997. Vol. 10, no. 3. P. 647–666. URL: <https://jolt.law.harvard.edu/articles/pdf/v10/10HarvJLTech647.pdf> (accessed: 10.03.2024).
- Zeng J., Stevens T., Chen Y. China's Solution to Global Cyber Governance: Unpacking the Domestic Discourse of 'Internet Sovereignty' // *Politics and Policy*. 2017. Vol. 45, iss. 3. P. 432–464. <http://dx.doi.org/10.1111/polp.12202>

Сведения об авторах:

Попова Евгения Владимировна — кандидат политических наук, доцент кафедры политологии, Национальный исследовательский Томский государственный университет; eLibrary SPIN-код: 8827-6878; ORCID: 0000-0003-1716-8849; e-mail: iam.e.popova@yandex.ru

Устюжанцева Ольга Валерьевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры антропологии и этнологии, Национальный исследовательский Томский государственный университет; eLibrary SPIN-код: 6953-6749; ORCID: 0000-0003-3023-5428; e-mail: olgavust@gmail.com

Гао Хаоюэ — магистрант кафедры антропологии и этнологии, Национальный исследовательский Томский государственный университет; e-mail: haoyuegao@yandex.ru